

Чиновник-диссидент из Пошехонья

Современные мелочи 180-летнего Салтыкова-Щедрина

Михаил Евграфович, предпочитавший в качестве литератора и публициста именоваться другим инициалом и только одной частью фамилии – Н. Щедрин, столько за свою жизнь написал и надумал, что достаточно немного процитировать его, чтобы обозначить и все насущные, и даже многие грядущие проблемы нашей действительности.

«Ах, эти мелочи! Как часочасный зудень, впиваются они в организм человека, и точат, и жгут его... Нет места для работы здоровой мысли, нет свободной минуты для плодотворного труда! Мелочи, мелочи, мелочи – заполнили всю жизнь». Таковы несвоевременные (поскольку приложимы оказались не только ко второй половине девятнадцатого века, но и к нашим дням) мысли человека, которого для сохранения его места в национальной культуре, словно заклиная от трагического, философического восприятия, упорно величали «сатириком».

По сути, он вырос среди мелочей, ими был овит всю свою жизнь, но стеснялся этого и не любил ни их, ни себя в их окружении.

Учился в Царскосельском лицее и стал впоследствии вице-губернатором. А почему бы нет? Это, конечно, чуть пониже рангом, чем канцлер Горчаков, но значительно выше, чем камер-юнкер Пушкин... Потерял свой пост в сорок с небольшим лет, а дожил до 63. Написал историю одного города, скрыв за ней типологию российской управленческой системы. При этом издевался: «Я отнюдь не хочу утверждать, что нынешняя администрация была плоха, нерасторопна и не способна к утиранию слез; я говорю только, что она, подобно своей предшественнице, лишена творческой силы». Как мог проявлять мнение и тем более самозабвение на административном поприще человек, который в старости записал, а думал и прежде: «Прерогативы власти – это такого рода вещь, которая почти недоступна вполне строгому разделению»?

Ох уж эти интеллектуалы! Те, что век свой провели в России, и те, что бывали за границей...

Как считалось в советское время (когда стране нужны были, по призыву руководства, оголи и щедрины, но, скорее всего, с маленькой буквы), Щедрин жутко осуждал все, что происходило на растленном Западе. Изумительный пассаж из брошюры 1951 года издания: «Чаще всех других

французских артистических имен во многих произведениях Щедрина мелькают имена фешантанских певцов и шансонеток». По мысли советского литературоведа, публициста их всех осуждал до последней степени. А почему это он так хорошо знал эти имена? Наверное, не только по афишам, а посещал... И ничего, между прочим, стыдного в этом не было: что там показывали, то он,

и забытыми провинциалами, да и ярославцы не торопятся отделить себя от тех, кого, пусть в ироническом звучании, но прославил же великий автор, в отличие многих, никак не отличенных. И появляется в современном исследовании про расторопных и хитро-предприимчивых ярославцев такой снисходительный пассаж: «Но ведь и пошехонцы-то – те же ярославцы!»

«Я отнюдь не хочу утверждать, что нынешняя администрация была плоха, нерасторопна и не способна к утиранию слез; я говорю только, что она, подобно своей предшественнице, лишена творческой силы».

пресыщенный здешними немелкими или скучными нравами, и глядел.

Будучи идеологически востребованным в течение нескольких десятилетий советского периода, Салтыков-Щедрин постоянно подвергался странному перетолкованию: сам он вроде бы одно имел в виду, а у него прочитывали совершенно другое. Как и в случае с зарубежными впечатлениями, это произошло с его отношением к родному учебному заведению. Один из ведущих исследователей-биографов, ничтоже сумняшеся, разоблачал лицей как «рядовое казенно-дворянское учебное заведение», сам же цитируя бывшего ученика, который утверждал, что «лицей еще был полон славы знаменитого воспитанника его, Пушкина...». А он оттуда вынес убеждение: «Не будь интеллигенции, мы не имели бы ни понятия о чести, ни веры в убеждения, ни даже представления о человеческом образе. Остались бы «чумазы» с их исконным стремлением расци-

пать общественный карман до последней нитки».

Русская классическая культура дает уникальный опыт осознания провинциальной жизни, скуки как совершенно специфического состояния жителя провинции. «О, провинция! – восклицал в своей провинциальной саге, «Губернских очерках», Салтыков-Щедрин. – Ты растлеваешь людей, ты истребаешь всякую самодетельность ума, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь все, даже самую способность желать!»

Правда, сегодня уже не принято пошехонцев обижать уравновешиванием их с дремучими и забытыми провинциалами, да и ярославцы не торопятся отделить себя от тех, кого, пусть в ироническом звучании, но прославил же великий автор, в отличие многих, никак не отличенных. И появляется в современном исследовании про расторопных и хитро-предприимчивых ярославцев такой снисходительный пассаж: «Но ведь и пошехонцы-то – те же ярославцы!»

прошлом, которое закончилось ровно за месяц до рождения Салтыкова-Щедрина, на Сенатской площади в далеком и нарядном Петербурге. Помещичьи усадьбы в его провинции были жалкие, неудобные, некрасивые – засунутые в низины рассыхающиеся срубы. И быт – скучный не от бедности, а от страха бедности («страха завтрашнего дня») и отсутствия фантазии. Из всего детства, в отличие от восхитившего его в зрелости опуса «Детские года Багрова-внука», помнились брань родителей друг с другом и в адрес крепостных да «бедная природа нашего сего рода заолухасты».

Но вышел из этого захолустья (глуши, потаенного уголка) настоящий интеллигент. Интеллектуал. Диссидент, ибо мыслит иначе, чем принято в школе, полной циркуляров и готовой по телефону (да, да, это не моя фантазия, это – в тех же «Мелочах жизни!») давать указания и проверять задания; чем принято в государственном аппарате; чем принято в русской художественной традиции.

«Мы перечитываем всевозможные загадочности и безуслвно верим, что таинственная их сила управляет миром и что судьбы истории всецело отданы им во власть...» Эх, Михаил Евграфович, только начиналась в России вашего времени мода на экстрасенсов и составителей гороскопов. Зато вы успели ощутить воздух мистики в общественной жизни. Русская культурная традиция особое – едва ли не почетное – место отводит оборотню, который в самом своем двойственном качестве есть воплощение нелепицы. Он несет в себе признаки абсурда бытийного, но одновременно обладает редкой эстетической выразительностью. Это не просто карнавалы и перевертыш. Оборотень в русской классике – это двуединство противоречивой души и несовместимых жизненных сфер. Вот почему вслед за апофеозом «теневой политики» – «Помпадурами и помпадурами» и «Тенями» Салтыкова-Щедрина появилась далеко не андерсеновская по своей интонации «Тень» Е. Шварца, а также неслучайному писателю посвященное исследование А. Терца (В. Сивяковского) «В тени Гоголя».

Государственного праздника из 180-летия Щедрина как будто не собираются завтра устраивать. Он – слишком «наше», слишком «все». Чему уж тут радоваться! А ведь он честно спрашивал: «Что делать, чтобы устранить грядущую смуту?»

Татьяна ЗЛОТНИКОВА,
доктор искусствоведения.

«Страна рабов, страна господ» – этот пафос остался в